

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЙ РОМАН 1980 – 2000 ГГ.: НОВЫЕ ФОРМУЛЫ УСКОРЕНИЯ

© 2010 Г.В.Кучумова

Самарский государственный университет

Статья поступила в редакцию 30.12.2009

Немецкоязычный роман конца XX века (Э.Елинек, К.Рансмайр, С.Надольный) передает драматический момент пленения человека скоростными потоками в новом информационном пространстве. Скоростной режим жизни, «активная оптика», новая модель времени ведут к существенным изменениям природы восприятия человека, качества его жизни, самой структуры субъективности.

Ключевые слова: немецкоязычный роман 1980 – 2000 гг., «фатальное ускорение века», идея скорости, «активная оптика», новая модель времени, новый тип личности, тема качества проживаемой жизни, романы Э.Елинек, К.Рансмайра, С.Надольного.

В данной статье на материале немецкоязычного романа 1980 – 2000 гг. рассматривается ситуация пленения современного человека скоростными потоками в новом информационном «формате» культуры. Для всего XX века проблема скорости становится ключевой. Скоростной век не оставляет шансов осознать происходящее и превращает жизнь человека в непрерывную беготню и суету. Технический прогресс, достижения информационных структур, скоростные средства передвижения – все это и многое другое максимально «сжимает» время, заставляя человека все быстрее бежать в своем колесе «социальных фикций».

В европейской христианской культуре человеческий разум наложил запрет на быстроту, заставив мышление человека и саму природу действовать постепенно и без спешки. Так, среди перечисленных И.Кантом «сентенций метафорической мудрости», ставшими *locus communis* европейской философии, фигурирует и так называемый «закон непрерывности в природе». Он гласит: «природа не делает скачков». Человеческому разуму, как и природе, предписано действовать постепенно, избегая внезапных и резких движений. В известной работе Канта «Критика чистого разума» встречается образ процесса познания как неторопливого шага, опирающегося на твердую почву¹. Гегель, вслед за Кантом, рассуждая в «Феноменологии духа» о «нетерпении» разума (здесь он имел в виду «скороспелую» быстроту немецких романтиков), тоже назидательно говорит о неспешности в познании и действии. Человеку, желающему познать суть вещей, необходимо выдерживать длину пути познания, задерживаясь на каждом этапе,

«ибо каждый момент сам есть некоторая индивидуальная, цельная форма»².

Открытие феномена скорости / неспешности состоялось еще в античные времена. О его сущности задумывались Платон, Зенон, Плотин, в новое время об онтологической значимости быстротечного и суетного, вечного и завершенного говорили Ф.Бэкон, Паскаль, С.Кьеркегор и многие другие. В начале XX века о феномене скорости рассуждал австрийский писатель-эссеист Роберт Музиль. Он – один из первых заговорил об «эстетике исчезновения» («Ästhetik des Verschwindens»). Исследуя современную урбанистическую среду, Музиль указывал на скоростные потоки массового производства и массовой культурной индустрии, существенно трансформирующие облик города. Если город начала XX века отличало большое сенсорное разнообразие (многоцветие, пестрота, богатый звукоряд), зафиксированное, например, немецким писателем Альфредом Дёблиным в романе «Александрплац» («Alexanderplatz», 1929), то современный мегаполис в его скоростном движении лишается индивидуального топографического рисунка. На больших скоростях исчезает цветовая гамма, все становится серым и скучным. Господствующая в мегаполисе скорость как бы «проглатывает» пространство, превращая детали и предметы в линии. Стиль большого города Р.Музиль определяет как двуединство знаков «точка-тире», отмечая при этом движение точечного взгляда наблюдателя, при ускорении превращающегося в линию³.

В конце XX века об этом же говорит и французский культуролог Поль Вирилио. В его работах «Эстетика исчезновения» (1991), «Информационная бомба. Стратегия обмана» (1995) скорость – одна из главных категорий современности

¹ Кучумова Галина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник.
E-mail: gali-kuchumova@mail.ru

¹ Кант И. Критика чистого разума. – М.: 1994. – С. 354.

² Гегель. Феноменология духа / Пер. Г.Шпета. – СПб.: 1994. – С. 9, 15.

³ Becker, Sabina. Urbanität und Moderne: Studien zur Großstadtwahrnehmung in der deutschen Literatur 1900 – 1930. St. Ingbert. Röhrig Verlag, 1993. – S.373.

– получает философское и культурологическое осмысление⁴. Как пишет Вирилио, устранение метафизической Вертикали («смерть Бога») в обществе «принудительного гуманизма» приводит к выдвиганию на первый план феномена скорости (скорости перемещения, коммуникации, скорости материального и символического производства и обмена и т.д.). Трагедия современного человека заключается в том, что, отказавшись от идеи трансцендентного и подчинившись идее скорости, он обречен на жизнь в «ложном» и пустом пространстве, в «беспространстве» и «безвременности». Как указывает далее П. Вирилио, современные средства коммуникации, которые, по сути, есть «электронные протезы», изменяют саму природу человеческого познания⁵. Они создают так называемый «третий горизонт», или «горизонт прозрачности». Первый – это видимая физическая граница неба и земли, второй – психологический горизонт памяти и воображения, «третий горизонт» провоцирует смешение близкого и далекого, внутреннего и внешнего, дезориентирует в целом структуру восприятия, разрушая естественное восприятие человека. В результате ориентирования по «третьему горизонту» (по П. Вирилио – это «активная оптика») происходит потеря привычной ориентации, возникает чувство утраты реальности («бесосновность»), фатальное разрушение отношений с миром и Другим.

«Активная оптика» продуцирует новый тип личности, который живет разорванный во времени между непосредственной активностью повседневной жизни «здесь – и – сейчас» и интерактивностью массмедиа, где «сейчас» превалирует над «здесь». При этом возникает такая созерцательная установка, которая заново определяет трансцендентального субъекта классической западноевропейской философии. Теперь субъект, лишаясь своего привилегированного статуса созерцателя в классическом понимании, становится вуайеристом, зрителем, наблюдателем. Псевдо-созерцательный образ жизни превращает его из автора, героя и действующего лица собственной жизни в наблюдателя чужой жизни и чужих искусственных страстей.

Информационная культура намеренно поддерживает скоростной режим существования. В хронотопе ускорения скорость обеспечивает симулятивный эффект новизны, который доминирует в ней и создает впечатление «заполненности времени». В скоростных потоках человек-потребитель скользит по поверхности жизни, увлекаясь игрой «означающих», забывая о своем предназначении.

Игра «означающих» суть форма защиты человека-потребителя («человек горизонтали»), от вторжения в его жизнь тайны, сокровенного Другого, искомого «означаемого». Высокая скорость поступления в сознание качественного «наполнителя» страхует человека-потребителя от опасных для него замедлений и остановок. Скорость выступает, таким образом, проверенным, надежным способом воспрепятствовать поискам «глубины» («человек вертикали»). Сознание современного человека, перегруженное информационным избытком и измученное «текстовым» насилием со стороны общества, как бы срывается с семиотической оси «означающее – означаемое», утрачивает интуицию глубины и волю к трансценденции.

На сегодняшний день наивысшая скорость достигается в симулятивном пространстве массмедийных средств информации: она визуализируется в технике кино. Образец и своего рода «канон» высокоскоростного режима жизни в потреблении задается «движением – на – экране». Вслед за Анри Бергсоном («Материя и память», 1896) на специфику движущихся на экране образов указывает современный французский философ Жиль Делёз. По наблюдениям Делеза, движущиеся на экране искусственные образы выпадают из сферы естественного восприятия, ориентированного на привилегированные моменты (срезы), связываемые воедино мыслительным процессом. Кино навязывает человеку чуждые его природе образы-движения, предлагая так называемый «внешний кинематограф» по аналогии с «внутренним кинематографом», который, по Бергсону, есть «чистое воспоминание»⁶. Идея скорости, лежащая в основе передачи информации, существенным образом изменяет как природу восприятия человеком пространства-времени, так и саму структуру субъективности. Как указывает Делез, аффективные, сверхскоростные, ускользающие образы кино, ставшие массмедийными образами современного мира, обнаруживают коммуникативную природу. Сама же коммуникация понимается не в социальном, лингвистическом или информационном ключе, а именно как пространство общности, где рождается иной, деиндивидуализированный субъект восприятия, где формируются иные ценности⁷. Сегодня кинематограф становится особым организмом, которому человек постепенно перепоручает свое индивидуальное (субъективное) естественное восприятие.

Господствующий тип культуры навязывает своим потребителям культуры определенный формат

⁴С легкой руки Вирилио наука о скорости получает название «дромология» (от греч. «дромос» – бег, состязание, быстрота).

⁵ Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана / Пер. с фр. Перевод И.Окуновой. – М.: 2002.

⁶ Бергсон А. Материя и память (1896) // Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Собрание сочинений. – Т.1. – С.159 – 317.

⁷ Аронсон О. Возвращение философии. Логика кино по Ж. Делёзу // <http://www.kinozapiski.ru/article/578/> (дата обращения 16.06.2008)

восприятия, то есть вынуждает человека отказаться от естественного восприятия среды. В условиях «культурного терроризма» человек в поисках Другого вынужден погружаться в мир искусственного рая настоящего. В психологическом плане это приводит к исчезновению границы между психикой и реальностью, то есть к краху реальности как таковой. Соприкосновение с первичной реальностью (с миром, где мы родились), для человека-потребителя опыт травмирующий, поскольку «замедление», «остановка» настраивают его не на привычные действия, а на созерцание глубины и осмысление присутствующего и самого присутствия. Страх перед истинным, настоящим, глубоким заставляет человека увеличивать скорость перемещения по плоскости социально-информационного пространства с тем, чтобы свести к минимуму возможность остановки и встречи с истинной реальностью и тайной. Активный потребитель, то есть «человек – находящийся – в – движении», из-за своей «метафизической трусости плоти» (Э.Фромм) стремится незамедлительно чем-нибудь заполнить возникающие замедления, паузы, минуты тишины или молчания. В страхе перед реальной жизнью, в которой нужно нести «заботу о себе», человек, движущийся в поле тотального потребления и наслаждения, намеренно отсекает себя от живительных контактов с миром естественным, с миром Другого.

Скоростной режим жизни и подачи информации диктует проблему заполнения жизни искусственными движущимися образами, которые в изобилии продуцируются современными массмедиами. Эту тему художественно осваивает Э.Елинек. В своих ранних романах «Мы всего лишь приманка, бэби!» («Wir sind lockvögel baby!» 1970) и «Михаэль. Молодежная книга для инфантильного общества» («Michael. Ein Jugendbuch für die Infantilgesellschaft», 1972) писательница убедительно демонстрирует, что инфантильный обыватель, потребитель, беззаботно скользящий по поверхности жизни, испытывает ярко выраженную потребность в заполнении духовной пустоты⁸. Такую роль в современном информационном обществе отводится массмедийной культуре, выполняющей функцию фрейдовского «сверх-Я». Все свое внимание человек-потребитель устремляет на мир искусственный – на предметы, вещи, машины, механизмы, автоматы. Его лицо неизменно обращено к экрану, источнику искусственных образов, имитирующих подлинную жизнь. В образах своих героев Елинек прописывает наиболее удобный для «экранной культуры» тип человека-обывателя, потребляющего культурный fast-food и думающего по готовым

шаблонам (fast-thinker)⁹. Так, в романе Э.Елинек «Похоть» («Lust», 1989) жизнь сына героини определена готовыми формулами. Уже с малых лет его сознание наполнено телевизионными стереотипами и клишированными образами. Экранные образы – «готовые идеи» – подменяют мальчику реальную жизнь. Матери всякий раз стоит больших усилий уговорить сына пойти на прогулку. Она слушает, как ее красиво одетый ребенок вторит телевизору, главному источнику его питания («Es spricht ja selbst wie aus dem Fernsehen, von dem es sich ernährt»)¹⁰.

Магический голубой экран – как фигура соблазна наблюдения за чужой жизнью и как непреходящий атрибут обывательского существования – становится постоянным фоном и в жизни героини романа Елинек «Пианистка». В доме Эрики и ее матери телевизор занимает центральное место. Он служит своего рода «сакральным центром» их жилища, властелином, надежно закрывающим перед ними дверь в мир подлинной реальности. После всех своих приключений и злоключений на улице Эрика любит возвращаться домой, где ее ждут мать и телевизор. «Mit allen Fasern zieht es Erika zu ihrem weichen Fernsehsessel, und die Tür ist zugesperrt. Sie hat ihren Stammstuhl, die Mutter hat den ihren»¹¹. «Всеми фибрами души и тела Эрику тянет оказаться дома, в мягком кресле перед телевизором, за надежно закрытой дверью. У нее свое любимое кресло, у матери свое»¹².

Без постоянного атрибута экранной культуры немислим и образ вечернего город, по которому шагает Эрика. Вот она видит, как в окнах домов появляются голубые отблески телевизора: это начинается первый вечерний сериал для семейного просмотра. Вот она отмечает, что фасады домов превращаются в плоские театральные кулисы. «Die Fassaden werden zu flächigen Bühnenkulissen»¹³. Она наблюдает, как под воздействием «искрящихся кристаллов» телеэкранов («funkelnde Kristalle») весь город погружается в «сновидческое» состояние, и все люди в одно и то же время получают одинаковые впечатления и образы. «Ringsumher erleben alle Leute zur gleichen Zeit dasselbe»¹⁴. Реальными остаются лишь звуки, несущиеся из телевизора, они – единственные, которые в восприятии героини являются собой подлинное бытие.

⁹ Бурдые П. О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т.В.Анисимовой и Ю.В.Марковой. Отв. ред. и предисл. Н.А.Шматко. – М.: 2002.

¹⁰ Jelinek, Elfriede. Lust. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1992. – S.12.

¹¹ Jelinek, Elfriede. Die Klavierspielerin. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1986. – S. 76.

¹² Елинек Э. Пианистка. Роман / Перевод с нем. А.Белобратова. – СПб.: 2004. – С.119.

¹³ Jelinek, Elfriede. Die Klavierspielerin. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1986. – S. 49.

¹⁴ Ebenda. – S. 49.

⁸ Воротникова А.Э. Гиноцентрические романы Германии и Австрии 70 – 80-х годов XX в. – Воронеж: 2006. – С. 92.

О драматической стороне такого сновидческого образа жизни Елинек говорит в своем романе «Kinder der Toten» (1997)¹⁵. В романе писательница приводит смелое сравнение: печи концентрационных лагерей по своему воздействию она приравнивает к кинескопам телевизоров («Ofenröhre» – «Fernseheröhre»). Образ крематория, пространственно перевернутый, превращается в образ кинескопа, и наоборот. Работа по уничтожению – физическое и духовное в человеке – это единственная функция, которая, по Елинек, их объединяет. «Wer weiss, sie hätten das alles vielleicht im muffeligen Ofen des Fernsehens gezeigt (als Vorsorgeuntersuchung für Gesunde, wie diese niemals anschauen dürfen), der pro Sekunde ein paar hundert Personen mühelos verschlingen kann»¹⁶. Телевидение, как и ненасытные печи крематория, преуспевает в деле «пожирания» людей, оно начисто лишает людей возможности выработать этическую позицию по отношению к нацистскому прошлому, к миллионам людей, умерщвленных в лагерях смерти. Потребляя с экрана телевизора в огромных количествах культурный fast-food, современный обыватель лишается возможности серьезного проникновения в глубь жизненных проблем настоящего и болезненной темы прошлого.

Принцип действия телевизионного кинескопа можно символически использовать для понимания принципов работы сознания во время сновидений. «Сновидческие» результаты «экранной культуры» демонстрирует австрийский писатель Кристоф Рансмайр на примере своего героя из романа «Последний мир» («Die letzte Welt», 1988). Примечательны эпизоды, связанные с использованием кинотехники и демонстрации фильмов, которые привозили в железный город Томы на побережье Черного моря. Демонстрация фильмов выливалась в тотальное погружение зрителей, сидящих в кинозале, в «прекрасный сон». Грезы и мечтания одолевали и самого киномеханика, лилипута по имени Кипарис. Во время сеансов он часто засыпал под мерное жужжание киноаппарата. «В мечтах он видел себя стройным кипарисом, грезил о том, что его низкорослое тщедушное тело превращается в стройный кипарис, его кривые ноги пускают в землю глубокие корни, а вокруг его сердца откладываются годовые кольца. Он растет»¹⁷. «legte sich die Ringe seiner Jahre schützend um sein Herz»¹⁸.

Доминирование в современной культуре визуальных образов ведет к значительной редукции чувственного восприятия человека. Сенсорные

чувства человека, теряющего живые контакты с естественным, природным миром и с Другим приглушаются. Наступает духовная неподвижность, окаменение, «скорбное бесчувствие», утрата связи с собственным телом, по сути, «духовная смерть» человека-потребителя. Результатом «экранной культуры» становится «интеллектуальный паралич», развитие сновидческой ментальности, состояние «экзистенциальной пустоты» (existential vacuum) или состояние «после-жития» (по Ж.Бодрийяру).

В романе К.Рансмайра «Последний мир» есть выразительный эпизод с окаменением одного из персонажей. Торговка Молва приобретает, скорее из любопытства, прибор эпископ (фильмоскоп), чтобы как-то занять своего убогого сына. Эпилептик Батт не расстается с прибором, просматривая новые киноленты. Однажды ночью мать находит рядом с фильмоскопом окаменевшего Батта. Такого рода «метаморфозу» жители города восприняли как жертву богам за свои грехи. Писатель же задается другой перспективой. Он намеренно деконструирует древний мифический образ из «Метаморфоз» Овидия, чтобы создать свой миф и в этом новом, авторском мифе смоделировать тип сознания человека-обывателя, погруженного в чужую жизнь, в «сладостный обман», создаваемый движущимися на экране образами. В эпизоде с окаменением Батта Рансмайр психологически точно передает состояние духовной неподвижности, оцепенения как результат мощного прессинга текста кино с его избытком повторяемости и скоростной подачи информации.

О «фатальном ускорении века» говорит и немецкий писатель Стен Надольный устами одного из персонажей своего романа «Открытие медлительности» («Die Entdeckung der Langsamkeit», 1983). Скромный учитель гимназии доктор Орм все свое свободное время посвящает изучению феномена скорости / неспешности. С помощью изобретенного им прибора (листоверта) он производит индивидуальные замеры скорости восприятия движущихся образов у людей разного типа, составляет карту «скорости восприятия». Затем с учетом индивидуальной карты «скорости восприятия» человеком окружающего мира доктор Орм предлагал пути оптимального развития каждого человека в его профессиональной направленности.

Две рукописи, оставшиеся после смерти доктора Орма, с ключевыми словами в их названии – «скорость» («Geschwindigkeit») и «неспешность» («das träge Auge») – предназначаются самому медлительному участнику его эксперимента – Джону Франклину – для дальнейшего его ознакомления с «фундаментальными вопросами бытия». Первая рукопись называлась:

«Значение скорости при формировании индивидуума, Или

Наблюдения, до меры времени касающиеся, каковую

¹⁵ Варианты перевода заглавия романа: «Дети мертвецов», «Дети мертвых», «Дети мертвой женщины».

¹⁶ *Jelinek, Elfriede. Die Kinder der Toten. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1997. – S.606.*

¹⁷ *Рансмайр К. Последний мир: Роман / Пер. с нем. Н.Федоровой. – М.; СПб.: 2003. – С. 233 – 234.*

¹⁸ *Ransmayr Christoph. Die letzte Welt. Roman. Mit einem Ovidischen Repertoire. Nördlingen, 1988. – S.25.*

Господь Бог
 Всякому отдельному человеку особо полагает,
 изложенные и представленные на одном выдающемся
 примере».

Вторая рукопись носила название:

«Начертание полезных приспособлений,
 кои для оживления картин пригодны
 в помощь глазу непрыткому, в утешение и назидание,
 а равно как и во славу Господа нашего Всемогущего»¹⁹.

Стен Надольный вместе со своими героями рассуждает на актуальную в настоящее время и напрямую связанную с идеей скорости тему – самостоятельно смотреть и видеть. Современная ситуация «культурного терроризма» навязывает зрителю не только формат восприятия, но и скорость восприятия информации. В результате скоростной подачи информации непосредственное человеческое наблюдение / восприятие заменяется искусственным. Постоянная практика приводит к тому, что человек лишается возможности самостоятельно смотреть и видеть. Проблема искусственного и естественного восприятия занимает центрального героя романа «Открытие медлительности» Джона Франклина. В романе медлительный Джон выступает открывателем Северного пролива, отважным капитаном и покорителем северных морей. Однако в понятие «открытие» Джон вкладывает и свой смысл: «Открытие – это непосредственное наблюдение, когда ты сам видишь, как что выглядит и как что движется. Я не желаю, чтобы какой-нибудь прибор навязывал мне искусственное изображение, создавая иллюзию подлинности»²⁰.

В романе «Открытие медлительности» тема скорости контаминируется и с темой качества проживаемой жизни, с проблемой существования человека в модусе «про-» и в модусе «пере-». В романе Надольного можно условно выделить две группы персонажей: одни *про-живают* жизнь, другие ее *пере-живают* ²¹. В индоевропейских языках приставка *pro-* означает «вперед» и «впредь». Проживать, или жить в модусе «про-» значит, занимая определенное место, забегать вперед, размечать себе дорогу, планировать свою жизнь, ставить себе конкретные задачи, «жить ради ...», «жить для...». «Прожигатели» жизни торопятся жить, они берут от жизни все. Пытаясь занять определенное место «под солнцем», они забегают вперед, размечают себе дорогу, планируют жизненные события. Несомненно, подобная прагматическая

разметка жизни придает человеку уверенность, вносит упорядоченность в его жизнь, линейно выстраивает события жизни. Однако в ситуации замкнутости на подобном образе жизни человек лишает себя сущностной основы, он проходит «сквозь» и «мимо» самого сокровенного.

Качественно иной опыт приобретают люди, живущие в модусе «пере-» то есть осознанного «здесь-и-сейчас» (состояние бодрствования), когда можно просто БЫТЬ. В опыте переживания обнаруживается, в нем выходит наружу «я другой», о котором он ничего до самого переживания не знал, не догадывался. Обнаружение здесь выступает синонимом возникновения, рождения, качественного прироста личности. Как отмечает исследователь В.Лехциер, опыт переживания онтологичен, поскольку он является способом бытия человека, а именно способом быть самим собой²².

В романе Стена Надольного «Открытие медлительности» Джон Франклин идет по жизни спокойным и неторопливым, но уверенным шагом. Полярные ему персонажи в своих суетных устремлениях утрачивают свою самодостаточность. Так, по мысли автора, дворовые мальчишки, одноклассники Джона, лихие и бесшабашные моряки на судне, суетный и меркантильный в своих делах отец Джона обнаруживают «ложное понимание времени» («den falschen Zeitsinn»). Все они – «прожигатели жизни» – тяготеют к деструктивной стихии (распутная жизнь, стремление к сиюминутным удовольствиям, ориентация на немедленное решение практических задач). Отсюда проистекают их жизненные неудачи: бесцельная жизнь одних и нелепая смерть других. Проходя через многие испытания жизнью, главный герой романа Надольного убеждается, что причина многих проступков и преступлений людей лежит исключительно в скоростном режиме их существования («falsche Geschwindigkeit, sie leben zu schnell»).

В контексте размышлений о качестве жизни человека в скоростных потоках обратим внимание на феномен «das versäumte Leben» («жизнь, прошедшая мимо»)²³. Исследовательница романов Макса Фриша Керстин Гюне-Энгельманн показывает, что мотив скорости и связанный с ним мотив «das versäumte Leben» пронизывают все его романы²⁴. В немецкоязычном романном дискурсе второй половины XX Макс Фриш был первым, кто вывел новые формулы ускорения, кто указал на специфику скоростного режима современного «технического человека» (homo faber). Так, в романе «Homo

¹⁹ Надольный Стен. Открытие медлительности. – СПб.: 2006. – С.196 – 197.

²⁰ Там же. – С.320 – 321.

²¹ Кучумова Г.В. Осмысление феномена времени в романе Стена Надольного «Die Entdeckung der Langsamkeit» // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (11 – 13 октября 2005 года). – Тольятти: 2005. – С. 147.

²² Лехциер В.Л. Феноменология «пере-»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. – Самара: 2007.

²³ Meurer Reinhard. Max Frisch. Homo faber. Interpretation. 3. Aufl. München: Oldenbourg, 1988. – S.20.

²⁴ Gühne-Engelmann, Kerstin. Die Thematik des versäumten Lebens im Prosawerk Max Frischs am Beispiel der Romane «Stiller», «Homo faber» und «Mein Name sei Gantenbein». Freiburg (Breisgau), Univ., Diss., 1994.

Faber» писатель противопоставляет «скоростную» (неподлинную) жизнь и неторопливую (подлинную), два типа культуры – хищнически-механический и созерцательно-творческий, два опыта мира (дискретного и континуального видения мира) и соответствующие этим двум моделям мировосприятия два образа жизни, два модуса человеческого существования. Жизнь главного героя романа Вальтера строится по «техническому образцу». Преуспевающий инженер, он использует только «технические костыли»: скоростные средства передвижения (авиалайнеры), кинокамеру («движущийся глаз»), пишущую машинку вместо рукописания. Вальтер полностью пленен этим механистическим миром (по О.Шпенглеру, модель мировидения «Мир как Механизм»)²⁵. Однако в час «X» судьба выводит его из «заколдованного» мира, в котором Другим выступал исключительно мир рациональной целесообразности. Судьба – на правах одного из главных персонажей романа – изменяет «скоростной режим» его жизни. Вместо привычного способа передвижения (он летал только самолетами) Вальтер отправляется из Америки в Европу на морском лайнере. Новая среда обитания – неспешное путешествие по морским просторам, море как Другой, встреча с сокровенным Другим, с дочерью Сабет²⁶ – способствует постепенному преодолению своего прежнего функционально-знакового существования. После встречи с Сабет мир вокруг обретает новое качество и изменение. Герой приходит к осознанию своей «жизни, прошедшей мимо». Он вдруг обнаруживает свою псевдо-значимость²⁷. В сознании героя происходит ментальная перестройка: структуры познания заменяются структурами переживающего сознания. Структурное единство переживания (приобретающего онтологический статус), которое не нарушается в потоке переживания, придает каждому отдельному акту этого сознания неповторимость, то есть превращает в историческое переживание.

На излете XX века – в век тотального ускорения – тема «das versäumte Leben» приобретает особую остроту и актуальность. В скоростном режиме человек лишается живительных контактов с подлинной реальностью. Речь в данном случае идет о вынужденной идентификации человека-обывателя с тем репертуаром социальных ролей-масок, предлагаемых обществом «всеобщего благоденствия». Феномен полной идентификации человека-обывателя со своей социальной ролью регистрирует, например, Э.Елинек, задавая в своих романах особую повествовательную перспективу «всеведущего автора», беспощадного судьи. Наделяет себя

правом судить своих героев, писательница язвительно высмеивает их, выставляет в неприглядном виде. Она намеренно выстраивает судьбы своих героев по законам общества тотального принуждения в заданном формате потребления, чтобы показать трагические последствия такого образа жизни. Елинек исключает возможность существования своих героев «на границе», в зазоре между социальной маской и лицом, то есть с ситуации расщепления, предполагающей вопрошание «кто Я?». Своих героев она изображает под социальной маской инфантильного обывателя, бездумного потребителя, непосредственно и в полной мере отождествляющих свое Я и разыгрываемую социальную роль. На художественном материале своих романов Елинек воспроизводит процесс полной идентификации человека-обывателя с социальной ролью-маской, что является, по Лакану, признаком глупости, симптомом «ложного сознания». По сути, она говорит о реализации новой культурно-исторической модификации «несчастливого сознания». Все ее персонажи – носители «ложного сознания». В структуре их личности заложен сознательный отказ от своего Я, предательство самого себя. Отказываясь от «библейской памяти» как изначальной своей причастности к Богу, герои романов Елинек вынуждены двигаться «от истины по направлению ко лжи»²⁸, то есть совершать оправдательное и трусливое бегство в чужую, яркую жизнь, которая теперь для них становится сокровенным Другим. Носителями «ложного сознания» выступают и герои романов «новых архивистов» 1990-х годов. Активные потребители (гедонисты, архивисты, коллекционеры, современные номады, трэш-туристы, вуайеристы, фланеры, денди) – они все отмечены печатью псевдо-существования, скольжения по поверхности бытия. Все они являются собой тип играизированного, или симулятивного сознания, который выступает новой конкретной формой ложного сознания. Предельно отчужденный от своего естества, но неизменно влекомый к Другому, человек-потребитель создает себе идола, искусственного Другого, например, богемность (новые денди и фланер), власть над другими (вуайеристы, коллекционер). В итоге, по мнению С.А.Кравченко, «формируется новый тип играизированной ментальности как конкретная форма ложного сознания»²⁹, порождаемый в обществе ускоренного движения неподлинных форм существования. Постепенная утрата позиций своей богоподобности человеком всегда воспринималась драматически, что фиксировалось, например, еще у Гегеля в его концепте «несчастливого сознания», у Ницше – в его «рессантименте», у Хайдеггера – в

²⁵ Шпенглер О. Закат Европы. – М.: 1993. – С. 156.

²⁶ Lusser-Mertelsmann G. Max Frisch. Die Identitätsprobleme in seinem Werk in psychoanalytischer Sicht. Stuttgart. 1976.

²⁷ Meurer, Reinhard. Max Frisch. Homo faber. Interpretation. 3. Aufl. München: Oldenbourg, 1988. S.20.

²⁸ Шеллинг Ф.И. Философия искусства. – М.: 1966. – С. 112.

²⁹ Кравченко С.А. Играизация российского общества (К обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 152.

концепте «das Man», у Фрейда – в невротическом, а у Делеза и Гваттари – в шизоидном сознании современного человека. И только современный носитель «ложного сознания» свою онтологическую неуверенность может переводить в модус игры и наслаждения, намерено гася в таком гедонистическом *modus vivendi* неизбежную тоску по сокровенному.

Новая модель времени – суетного, «поверхностного» – сопрягается и с «непрожитым движением». Феномен «непрожитого движения» получает интересное художественное решение в романах «новых архивистов». В романах К.Крахта «Faserland» (1995), «1979» (2001), Б.Леберта «Crazy» (1999), Ф.Иллиеса «Поколение Гольф» (2000) тема путешествия, традиционно инициированная как изгнание, получает дополнительную мотивацию, а именно: стремление к равновесию и устойчивости своего внутреннего мира и искусственное поддержание границ своей размытой идентичности. Путешествие современного человека-потребителя (трэш-путешественника, туриста, номада-кочев-

ника) становится «непрожитым движением», то есть движением, не освященное никакой целью³⁰. В хронотопе ускорения скоростные средства передвижения, достижения информационных структур позволяют человеку быть везде, но нигде не участвовать. По сути дела, в пространстве скорости происходит подмена жизни ее суррогатами.

Проведенное нами исследование показывает, что в новой культурной парадигме новые формулы ускорения задают альтернативу человеческому существованию: либо жизнь-путешествие человека «траекторного», безликого, анонимного и бездомного, современного номада-кочевника; либо фатальная «оседлость» человека, подключенного к информационным коммуникативным сетям мировой паутины, его замкнутость, неподвижность, «плененность» этим «псевдо-бытием».

³⁰ Кучумова Г.В. Немецкоязычный роман 1980 – 2000 гг.: Курс на демифологизацию. – Самара: 2009. – С.74 – 90.

GERMAN LANGUAGE NOVEL 1980 – 2000: NEW FORMULAE OF ACCELERATION

© 2010 G.V.Kuchumova^o

Samara State University

German language novel of the end of the XX century (E.Jelinek, Chr. Ransmayr, S.Nadolny) interprets the dramatic moment of person's capture by high speed streams of the new information space. High speed life conditions, «dynamic optics», new time pattern cause vital changes in human perception nature, his life quality and structure of subjectivity itself.

Keywords: German language novel 1980 – 2000, «fatal acceleration of the century», idea of speed, «dynamic optics», new time pattern, new personality type, subject of life quality, novels of E.Jelinek, Chr. Ransmayr, S.Nadolny.

^o Kuchumova Galina Vasilevna, PhD. Philological Studies, the senior lecturer, the senior scientific employee of faculty of German philology.
E-mail: gal-kuchumova@mail.ru